

Возвращение к вершинам

Автор:

Артем Каменистый

Возвращение к вершинам

Артем Каменистый

Пограничная река #6

По воле слепого случая они оказались бесконечно далеко от дома, в мире, где нет карт и учебников по географии, а от туземцев можно узнать лишь крохи, да и те зачастую неправдоподобные. Все остальное приходится постигать практикой – в долгих походах все дальше и дальше расширяя исследованную зону, которая ничуть не похожа на городской парк... Различных угроз здесь хоть отбавляй, а к уже известным врагам добавляются новые, и они гораздо опаснее. При этом не хватает самого элементарного, и потому любой металлический предмет бесценен. Да что там металл, даже заношенную и рваную тряпку не отправишь на свалку, потому как новую в магазине не купишь.

Но есть одно место, где можно разжиться и металлом, и одеждой, и лекарствами, – там всего полно. Вот только поход туда настолько опасен и труден, что обещает затмить все прочие экспедиции.

Артем Каменистый

Возвращение к вершинам

Глава 1

Гриб был отменным. Непомерно толстая ножка, шляпка столь внушительных габаритов, что целиком не на всякую сковороду поместится. О таких рекордсменах говорят будто о яблоках: «налитые». Не надо даже прикасаться, чтобы понять, насколько он тугой. Лишь бы черви не успели добраться до лесного красавца. Хотя даже с ними можно смириться, если их количество не зашкаливает. Получается с примесью мяса, только и всего. Даже те, кто раньше воротил нос только от намека на подобное угощение, сейчас с радостью уплетут все за обе щеки. Резко изменившаяся жизнь быстро заставила отказаться от многих принципов, в том числе и гастрономических.

Рогов забрался на этот склон вовсе не ради тихой охоты, но удержаться не смог: присел над красавцем, достал тонкую кремневую пластинку, вставленную в рукоять из дерева и просмоленных растительных волокон, начал было примеряться к основанию ножки, но замер, расслышав подозрительный шум. Внизу и слева под невысоким уступом, ошетиившимся угловатыми выступами дикого камня, кто-то шел. И его походка не походила на звериную.

Присев над грибом, Рогов потерял высоту, с которой можно разглядеть того, кто там топает. Но и тот, в свою очередь, теперь не сумеет его увидеть. И находится даже в худшем положении, потому как от ушей толку не было: ведь Рогов не издавал ни звука.

Подниматься он не спешил. Конечно, интересно глянуть, кого это сюда черти принесли, но последние месяцы резко изменившейся жизни научили Рогова не торопиться показывать себя на всю округу без особой нужды. Судя по шуму, там не единичный пешеход, а группа. Может, их рыл десять, а он один, и кто знает, с кем сейчас имеет дело и что у них на уме.

Положение усугубляло то, что Рогов точно знал – никого из своих здесь быть не должно. Отряд исследователей, углубившись в восточные предгорья, добрался до этого места пару часов назад, и все бойцы находились по другую сторону холма. Рогов, нарушая свои же строжайшие указания не удаляться от товарищей, забрался сюда в одиночку.

Нечаянно получилось. Первоначально планировал просто пройти к вершине и оценить открывшиеся виды. Но там обзору мешали кусты и россыпи корявых сосенок, пришлось перевалить на другую сторону и шагать все дальше и дальше в поисках полянки с удобным обзором. При этом каждую минуту говорил себе, что вот, еще сотня шагов – и пора разворачиваться. Но на отмеренном не

останавливался, все время казалось, что вон там, ниже, в считанных метрах, начинается подходящая для наблюдения проплешина.

В общем, нездорово увлекся и удалился от вершины на километр, если не больше. А здесь наткнулся на этот гриб, заставивший присесть и тем самым избежать вероятности быть обнаруженным.

Этих краев земляне еще не изучили. Слишком далеко от их земель – почти два дня пути, если двигаться неспешно. При нынешней пешеходной жизни – огромное расстояние. Но куда только не заберешься ради того, чтобы разжиться тем, чего им жизненно не хватает, – металлом. Если поначалу были настроены хотя бы на самую дрянную железную руду, то теперь согласны на что угодно. Пусть даже просто мягкая медь. Это ваксам хорошо, они несколькими отточенными ударами превращают бесформенный кремневый голыш в лезвие каменного ножа, а люди от первобытных технологий давно отвыкли, им подавай совершенно другие материалы.

Да и кому понравится резать мясо камнем?

Сложностей на пути получения металла предостаточно. Начать с того, что во всем поселении лишь один человек представлял, что такое руда, как она выглядит, где и каким способом ее можно обнаружить. Времена такие, что, в кого ни плюнь, попадаешь в офисного работника, бесконечно далекого от горного дела. Так уж получилось, что на части города, которая сюда перелетала, практически не имелось промышленных объектов и учебных заведений с соответствующим персоналом и учащимися. Сергей, или, как теперь принято его называть, Сфен, прежде был кандидатом минералогических наук, хотя сведения эти не вполне проверенные, с чужих уст, сам он об источнике своих немалых познаний скромно помалкивал. Но здесь никому нет дела до подлинности дипломов и прочих «корочек» – лишь бы не портачил раз за разом, а одиночные ошибки простительны.

Сфен вроде как не портачил вообще. Но и руды от него не видели ни грамма. Поначалу, когда только обустроивались, стаскивали ему камни со всей округи. Он их с важным видом рассматривал, потом что-то наносил на примитивную составную карту, собранную из распрямленных кусков бересты. Затем настал день, когда начал просить дать ему возможность проверить пару-другую перспективных районов. Почему же не дать ради всем нужного дела? Времена опасные, так что в одиночку самого завалящего нельзя отпускать, а уж такого

полезного чуть ли не профессора – и подавно. Выделяли несколько раз вооруженное сопровождение, и он потратил немало времени, но все усилия ни к чему не привели, ничего ценного в ближней округе не обнаружилось.

Металл всем нужен до зарезу, и потому круг поисков начали расширять. Собирали новые и новые образцы из все более удаленных районов, затем пошли вылазки Сфена под серьезной охраной, потерянные дни, стоптанные подошвы незаменимой обуви.

И одна пустышка за другой.

За все время ни килограмма хоть какого-нибудь металла не получили. Зато в паре стычек обзавелись тремя ранеными, один из которых был настолько плох, что, думали, не выкарабкается. Вроде пошел уже на поправку, но выбыл из строя на несколько месяцев, и еще неизвестно, чем это дальше для него аукнется.

С медициной тут все плохо.

На этот раз шли безо всякой предварительной разведки в виде принесенных охотниками и прочими образцов. Одна из разведывательных групп, которые регулярно высылали в разные стороны для поисков землян, наткнулась на крошечное поселение, или, скорее, временное убежище, где прозябали восемь человек. Бедолаги, спустившись с гор почти голыми и босыми, первым делом нарвались на ваксов, понесся немалые потери, затем мастерски укрывались в холмах, как можно чаще меняя места дислокации. Питались ревенем, улитками, лягушками, белками и прочей животной мелочью, огнем при этом не пользовались вообще из опасения быть обнаруженными. В общем, состояние горемык было таким, что хоть вой, и первые дни в поселке они на нормальную еду набрасывались чуть ли не с тигриным рычанием.

Затем маленько успокоились и рассказали много как интересного, так и не очень. Сфена заинтересовали истории о том, что в районе, где они обитали, встречались остатки каких-то древних каменных сооружений и громадные ямы явно неприродного происхождения. Тот заподозрил, что речь идет о заброшенных разработках полезных ископаемых. А что людей раньше интересовало в первую очередь? Скорее всего, столь нужные землянам металлы. В общем, «главному геологу» не пришлось идти на долгие уговоры ради

организации дальней экспедиции, все только «за».

И вот теперь они сделали остановку на ручье, где Сфен, по своему обыкновению, будет долго и придирчиво изучать россыпи камней в русле и по берегам, а остальным придется терпеливо его ждать. Правда, не все останутся без дела, потому как Рогов по возможности рассылал разведчиков по четырем сторонам при каждой такой остановке. Удалившись на пару километров, они с высоких точек обзревали окрестности в надежде заприметить огни костров троглодитов и следы древних карьеров. Даже если ничего не замечали – не беда. Любая информация о новых территориях имеет ценность.

Вот и Рогов оказался в одной из разведывательных троек. Сам себя в нее и назначил – ведь главнее в отряде никого нет. Сфен заведует лишь научно-исследовательской частью, во все прочее не вникает. Получается, прямо сейчас Рогов сам же свой приказ нарушает, хрен знает на сколько удалившись от сопровождавших его бойцов. Не хватало еще нарваться на большие проблемы, то-то смеху будет потом.

Или горьких слез.

Невидимки, которым он благодаря подвернувшемуся грибу не попался на глаза, вроде бы прошли мимо. Дав им полминуты на то, чтобы удалились как следует, Рогов осторожно и очень плавно начал выпрямляться, уставившись им вслед. И успел заметить ссутулившиеся полуголые фигуры, исчезавшие среди зарослей.

Старые знакомцы – ваксы. Он хорошо разглядел пятерых, а сколько уже скрылось из виду – неизвестно. На вид не из слабаков и вооружены добротнo, значит, не самое захудалое племя. Охотники, отправившиеся за дичью, или воины подались в набег. У них здесь повсеместно распространена славная традиция воровства женского контингента у соседей. Не в смысле побаловаться или слопать на ужин, а с самыми честными намерениями – в жены забирают. Хрястнул по лбу понравившуюся, взвалил на плечo – и потащил новобрачную к домашнему очагу. Обычно на этом свадебная церемония и заканчивается. Занимаются этим все поголовно, на серьезное сопротивление можно нарваться лишь в тех случаях, когда достаточно мужчин-защитников некстати окажется дома. Так что надо выждать, когда они уйдут, а уж после смело заявляться за невестами.

Простой способ не давать застаиваться крови, что свойственно немногочисленным примитивным народностям. С теми или иными вариациями он использовался во многих регионах на Земле, а кое-где «кража невесты» дожила до наших дней в почти первоизданном виде или как отдельные пережитки.

Присев, Рог уложил на гриб сухую ветку сосны. Хоть какая-то, но маскировка. Срезать красавца передумал, даже помог ему, укрыл от жадных взглядов – ведь тот как-никак выручил. Может, кто-то скажет, что смешно такой ерундой страдать, но пусть для начала поживет здесь пару месяцев, хлебнув до этого немало лиха, а потом посмотрим, как у него изменятся взгляды на глупые суеверия и все, что к ним можно отнести.

Рогов остался атеистом, но губить выручивший его гриб не станет. Неправильное поведение для человека леса.

Вернулась прежняя тишина: не считая стрекота насекомых и чириканья птиц, звуков не слышать. Спускаться еще ниже в поисках удобной для обзора поляны резко перехотелось. Рогов и так увидел слишком много, пора возвращаться.

Киря и Кэт дожидались на вершине. Девушка медленными движениями полировала костяной наконечник для стрелы, а давний приятель занимался тем, что без огонька критиковал ее занятие:

– Если будешь всякой ерундой страдать, ничего хорошего не выйдет. Вот глянь на себя: ладони в таких трудовых мозолях, что юный мойщик окон в женской бане удавится от осознания личностной неполноценности; вся в царапинах, будто темными ночами крыжовник ворует; а мордашка загорела на зависть коренным жителям Африки. Пугало из бич-хаты, не иначе. Ну а волосы во что превратила? Солому-то хотя бы вычесала, вот же неряха.

– Вообще-то это не солома, а хвоя.

– Ну да, разница огромная, не знаю даже, как извиняться за такое.

– Чего прицепился? Я-то тут при чем? Она здесь с каждой сосны сыплется.

– Ага, из-за жары небось. Но к нормальным девкам мусор не липнет, ты это запомни. Рогов, ну ты чего такой мрачный? Любимую тещу похоронил? Поставил все деньги в рулетку на синее, а потом узнал, что там нет такого цвета? Рассказывай.

– Все хуже.

– Хуже? Ну так давай, мы слушаем, повесели нас, ты такой смешной, когда что-то глаголешь с серьезным видом.

– Ты считаешь себя великим юмористом, но на самом деле примитивен, как сотрудник дешевого балагана.

– А я разве спорю? Посложнее тебя, конечно, но не торт, признаю.

– Я ваксов видел.

– Далеко?! – подобралась Кэт.

– И когда бы успел далеко уйти? – ответил за Рогова Киря. – Сама разве не знаешь, он бежит так, что его безногие легко обгоняют. Рог, сколько их там и чем занимаются?

– Видел пятерых, но вроде не всех рассмотрел. Судя по шуму, их не больше десятка. Прошли мимо, не заметили. Куда-то на восток двигались.

– Шантрапа или кто-то из серьезных?

– Копья широкие, как у болотных племен, но на спинах что-то вроде рюкзаков из деревянного станка и веревок. Выглядят удобно, никогда таких не видел.

– Ну так мы до этого сюда и не добирались. Получается, здесь какие-то другие племена, не из наших разлюбленных соседей. Раскраску не разглядел? Или татуировки?

– Нет. Боялся им на глаза попасться, пересидел, пока мимо не прошли, так что видел только спины в зарослях. Поднимайтесь, надо возвращаться.

Сфен выполнял свои профессиональные обязанности: сидя на берегу ручья, он мыл в деревянном лотке насыпанный такой же деревянной лопаткой грунт, после чего изучал чистенькие, блестящие от влаги камешки. Рогов, подойдя, терпеливо подождал, пока тот не выбрался из воды, и поинтересовался:

- Ну и как тут?

- Пока трудно сказать. Но кое-какие перспективы есть.

- Нашел руду?!

- Не совсем.

- Тогда что за перспективы?

- Где-то рядом меняются породы. Необычная картина. В смысле отличается от старой. Там, где мы обосновались, нет ничего интересного. Стандартная и скучная классическая осадочная толща: известняки, песчаники, алевролиты и аргиллиты. Все это тоже может представлять интерес, но только не в нашей ситуации.

- Но вроде как руда тебе там попадалась.

- Редкие зерна гидроокислов из конкреций, такое сырье там редкость, даже для одной плавки за все время так и не насобирали, да и качество под большим сомнением.

- Ты это уже говорил.

- Тогда почему спрашиваешь?

- Закрепляю полученные знания.

- Похвально.

- А то. Так что не так со здешними породами? Я забрался за холм, там они выходят на поверхность. С виду от наших не отличаются.

- Верно. Судя по склонам ручья, геологических отличий от наших мест нет.

- Но ты только что сказал...

- Не надо меня путать, все просто. Здесь, где мы сейчас стоим, да, отличий нет. Но в ручье изредка встречаются образцы пород, которых у нас я нигде не видел. То есть вода их принесла с верховий.

- Река, по которой мы с гор спускались, тоже много чего принесла в долину. И у водопада другие породы, ты сам говорил.

- Нет там ничего другого, просто пласт песчаника круто падающий. Очень крепкий, окварцованный, вот и остался стеной на пути воды. И камни те принесло тоже с верховий, а я помню, что вы рассказывали, как сложно оттуда выбираться. И как далеко. Экспедиция в те места займет очень много времени, и возникнут сложности с организацией добычи. Ну это если повезет и что-нибудь там найдем.

- Местные там когда-то изумруды добывали.

- Изумруд - сам по себе руда.

- А я думал, что драгоценный камень.

- Вообще-то это всего лишь зеленый берилл, то есть из него можно добывать бериллий, а он тоже металл.

- Нам бериллий сойдет?

- Даже не думай, нет у нас таких технологий, к тому же яд страшнейший. С бериллом вместе много чего может найтись. Редкие металлы, другие самоцветы, слюда, поделочный и строительный камень. Все не то, что нам надо, хотя точно сказать невозможно.

- Как не то? – чуть не подпрыгнул Рогов. – Металлы нам как раз очень нужны.
- Ага, только не редкие. Под ними понимается та группа, которая нам точно не пригодится. По крайней мере, в ближайшие годы. Вот, допустим, что ты будешь делать с ниобием?
- Не знаю. Я его в руках никогда не держал.
- Ты о вакуумной металлургии слышал?
- Краем уха.
- А наладить ее здесь сможешь? На наших деревянно-костяных технологиях?
- Сомневаюсь.
- Ну и зачем тогда тебе танталовое сырье?
- То есть все эти редкие металлы не так просто извлечь из руды?
- Верно мыслишь. В этом ручье встречается галька из магматических пород. Мелкая, хорошо окатанная, так что принесло ее скорее всего издалека. Но если там магматические тела внедрялись в наши осадочные толщи, богатые известняками, могут подвернуться неплохие варианты.
- Руда?
- Представь себе магму, разогретый расплав, в котором чего только нет, вся таблица Менделеева присутствует. И она внедряется под землей между пластами песчаника и известняка. Получается природное металлургическое производство, иной раз доходит до образования залежей относительно чистого самородного железа. Такие известны и у нас, в той же Гренландии[1 - Сфен ошибся или допустил упрощение: в упомянутом регионе месторождение самородного железа располагается на острове Диско (у берегов Гренландии)]. Варианты всякие получаются, в том числе и весьма неинтересные. Но обычно до самородного железа дело не доходит, это все же экзотика, если где-то и образуется, долго не живет. Но не надо расстраиваться, нас и другие варианты

устроят. Про Магнитогорск что-нибудь слышал?

- Челябинская область?

- Он самый. Знаешь про гору Магнитную?

- Слышал. Комбинат металлургический из-за нее там построили. Богатая железная руда, магнитные скалы и все такое.

- А еще там такие же породы, как и под нашим поселком, - осадочная толща. Те же известняки с песчаниками и прочим. И крупные месторождения железа образовались на контактах этих известняков с магматическими телами.

- Ясно. Это получается, что нам надо в верховья подниматься?

- Без понятия, где именно располагаются нужные нам места. Но ты прав, надо подниматься и смотреть на остановках, чего в ручье интересного.

- Мы за холмом ваксов видели.

- А они вас видели?

- Вряд ли. Просто мимо прошли.

- Мы и без того знали, что можем на них наткнуться где угодно, так что ничего нового ты мне не сообщил. Но командуешь отрядом ты, так что тебе решать, идти нам дальше или возвращаться назад.

- Кроме общих слов хоть что-нибудь сказать можешь? Ну хоть какую-нибудь гарантию дать? Мы ведь сюда за рудой пришли, а не за приключениями.

Сфен вдохнул:

- Я уже устал объяснять, что геология - наука неточная. Она работает с вероятностями, а не с непреложными фактами. Есть положительные предпосылки, и больше ты пока что ничего от меня не услышишь.

- Сам прекрасно знаешь, что металл нам нужен до зарезу.

- Да, Рогов, я тебя понимаю, но и ты меня пойми: если его в этих краях нет вообще, то хоть сотню таких, как я, пригони - не поможет.

- Да я тебя тоже понимаю. Мы вообще на другой планете, тут свои законы, земные правила могут не работать.

- С чего ты это взял? Химия и у нас, и здесь одинакова.

- Уверен?

- Мы ведь до сих пор живы? А что такое человек по своей сути? Химический реактор, только и всего. Раз законы одинаковые и там и здесь, то и химия планетарных недр не различается. Вот, посмотри. Видишь? В этом куске песчаника можно разглядеть ржавые вкрапления. Те самые минералы, содержащие железо. По сути - тоже руда. Но для нас она не подходит, содержания мизерные. Нет у нас возможности обогащать такое бедное сырье. Но зато мы точно знаем, что железо здесь есть. Оно повсюду, просто надо найти место, где нас устроит его концентрация. То есть месторождение или пусть хотя бы мелкое рудопоявление, при наших запросах хватит надолго. Найдем обязательно, вопрос только в сроках.

- Всем хочется побыстрее.

- И мне в том числе.

- Этот ручей можно речкой назвать. Местами метра на четыре и больше разливается. Такой может издали течь.

- Где его исток, я знать не могу.

- Ладно, придется подниматься, а там по ходу думать будем. Но если что не так, сразу развернемся. Слишком далеко забрались от своих, обнаглели. Нарваться можем. Нас всего двенадцать, а сколько здесь ваксов - неизвестно.

- Нарваться и под поселком можно.

– Тут ты прав. Но здесь, вдали от него, нарываться опаснее.

Глава 2

Айболит, бессменный кашевар отряда, колдовал над костром, следя за нанизанной на прутики рыбой, выловленной все в том же ручье. Здесь его воды протекали в ущелье, проточенном среди навалов камней разного размера. В свое время они скатились в русло не сами собой, сорвавшись со склонов стискивавших долину холмов. Тут поработала рука человека.

Коллективные усилия сотен или тысяч людей привели к тому, что по правому борту долины образовалась длинная глубокая вырезка. Рудокопы древности добывали что-то ценное, выходящее в этом месте на поверхность. Выбрав легкодоступные запасы, они были вынуждены начать заглубляться за оставшимися, и над ними со временем начала нависать пачка бесполезных пород. Пришлось заняться дополнительной работой, чтобы все это добро не обрушилось на их сгорбленные спины. Мешающий грунт разбирали кирками и лопатами, тачками или как-то по-другому оттаскивали вниз, сбрасывая с высокой речной террасы. Со временем человеческая деятельность привела к тому, что образовался протяженный отвал, перегородивший дорогу воде. Но она если и поднялась над этой плотиной, то ненадолго. Слишком рыхлая преграда, через такую несложно проточить новый путь, уровень быстро снизился, ни следа от озера не осталось.

Рогов, пристроившись на удобной глыбе, крошечным балконом нависавшей над водами широко разлившегося в этом месте ручья, занимался пополнением продовольственных запасов. При отсутствии нормальных консервантов нелегко хранить еду в заплечных мешках и корзинах. Тем более что основу рациона землян составляли дары водоемов и дичь, до развитого сельского хозяйства им еще пахать и пахать. Ни о каких крупах и прочих продуктах, легко обходящихся без холодильника, пока что не может быть и речи. Осточертевшие ремень да такие же надоевшие корни самого обычного с виду лопуха – вот и весь растительный рацион, полноценно прожить на таком проблематично.

В общем, в дальних походах приходилось по большей части рассчитывать на подножный корм – ведь с собой много унести не получится.

Кусок лески с хитроумно навязанным пучком обрезков фазаньих перышек, крючок и палка, выломанная в ближайших зарослях вездесущего орешника, – вот и вся удочка. Здешнюю рыбу можно безо всякой наживки обманывать. Она еще не знакома с человеческим коварством и не боится его до такой степени, что самых беспечных можно из рук кормить.

Взмах удилища, перьевая муха падает возле валуна на течении, струя подхватывает ее, несет мимо камня, из-под которого моментально выносятся стремительная тень. Подсечка, переменчивая тяжесть отчаянно трепыхающейся рыбы, медленно, чтобы не нагружать лишней раз драгоценную леску, добыча добирается до берега – и вот уже Рогов пускает в дело загребушую руку и с нотками радости в голосе сообщает Айболиту:

– Крупные они в этом ручье.

– Ага, в прошлом вообще мелочь была, будто мойва недоразвитая. Хорошо, что Сфен там ничего не нашел, а то я бы запарился этих мальков потрошить и жарить. Слушай, Рогов, ты скажи Кэт, чтобы мне помогала.

– Чего это?

– Ну а чего все время я за кашевара? Самый крайний, что ли? По-хорошему, вообще-то женщины всегда готовят.

Подошедший Киря хлопнул бессменного повара по плечу:

– Не грузи нашего великого вождя такой глупой дребеденью. И вообще, лучший друг животных, известно ли тебе, что знаменитейшие повара на всем свете – мужчины? Не веришь? А ты зайди в любой приличный ресторан и поинтересуйся, кто у них шеф-повар. О! А эта уже готова, красиво подрумянилась, я ее себе заберу, уговорил.

– Куда?! А остальным?! Руки убрал!

– Ты что, рыбы для почти что лучшего друга пожалел? Да ее тут целый ручей, нельзя же быть таким жадным. Опомнись, не теряй человеческого облика из-за такой ерунды. Рогов, там Сфен какой-то мрачный ходит. Такое впечатление, будто повеситься намеревается.

– Вряд ли. Он жизнелюб.

– В таком случае очень похоже, что нас прямо тут ждет очередная встреча с хорошо знакомым господином по имени Облом.

– Не знаю, не знаю. На камнях вон ржавых пятен полно. Сфен говорит, что это очень хороший признак.

– Тогда какого лешего нас понесло в такую даль? Этой ржавчины я ему, не выходя из поселка, мог полвагона натаскать. Или она здесь какая-то особенная? Ну типа хронический простатит лечит или дивные видения при неумеренном курении вызывает. Что с ней не так?

– Курить ржавчину я не догадался.

– Дарю идею, пользуйся, гробь здоровье. Раз не свое, мне не жалко.

– Благодарю.

– Мы тут с Кэт побродили по лесу, который выше. Я ей стихи рассказывал про платоническую любовь и подвиги вьетнамских коммунистов, но Кэт есть Кэт, романтики в ней не больше, чем в унитазах. Я тут разоряюсь соловьем, а она захотела фазана убить, такая вот необычная фемина.

– Убила? – напрягся Айболит, подозревая, что ему придется ощипывать и потрошить добычу.

– Ни хрена не убила, он, падаль, почему-то был против. Ох, я тебе скажу, как драпал от нас! Куда там тем страусам.

– Э! Киря! Ты уже вторую рыбу утащил! Руки убрал! Достал уже!

– Радуйся, что хоть кто-то твою вонючую стряпню высоко ценит. Ты до гробовой доски должен меня благодарить, я же тебе великую честь оказываю. Ну так вот, Рогов, занятия поэзией не помешали мне заметить некоторые детали пейзажа, и, думаю, они вряд ли тебя обрадуют. То, что там следов медвежьих, как коровьего навоза в родной деревне Кузьмича, это пустяки, которыми тебя вряд ли получится расстроить. А вот то, что там поляна с кострищем большим и черепами этих самых медведей на палках, – уже гораздо неприятнее. И хочу сказать, что черепа там не только медвежьи. Всяких хватает, в том числе и самых нехороших.

– Наши?

Киря кивнул:

– Две штуки человеческих, уж их я ни с чем не перепутаю. Но по костям не понять, наши это или местные, отличий ведь никаких быть не должно.

– Что еще видел?

– Интересного больше ничего нет, но кострище свежее, столбы тотемные вокруг, народец там часто появляется. Это я о ваксах.

– Я понял.

– Опасное местечко.

– Не факт. Нам это может оказаться на руку. У них женщинам запрещено смотреть на тотемные столбы, поэтому поляны с ними устраивают вдалеке от селений. То есть нарваться на ваксов здесь можно, только если наткнешься на группу охотников или в праздник, когда они толпой приходят поплясать вокруг ритуального костра.

– Эх, Рогов, ты слишком рано радоваться начал. Вот у болотных ваксов праздников – что у профессионального алконавта. То есть каждый день календаря – красный. Как они успевают воевать при таких делах и все остальное проворачивать, я понять не могу. А насчет здешних мы вообще не в курсе. Вдруг у них такие же развеселые порядки?

– Ждем остальных разведчиков, и никто от лагеря не отходит ни на шаг без моего разрешения. И доставай нож, садись и чисть рыбу, раз уже половину слопал. Компенсируй нанесенные убытки прилежным трудом.

– О-па! Вот так новости! Это за что же мне такой неожиданный наряд на кухню?! За пару каких-то вшивых рыбок?!

– Он три съел, – тут же наябедничал кровно заинтересованный в помощи Айболит.

– Молчи, зоофил несчастный! Эх, Рогов-Рогов, а ведь я искренне считал тебя своим верным другом. И это после того, как я вынес тебя из таких снегов, где даже сам Дед Мороз в солнечный полдень зубами чечетку отбивал.

– Не помню я, чтобы ты меня когда-то носил.

– Не придирайся, зануда. И нож дай.

– У тебя свой есть.

– Мой для рыбы не годится. Лучше уж ногтями чистить, чем этим убожеством. Или ты так на меня ополчился, что готов обречь на такие муки?

– На, только отстань. И побыстрее с рыбой, народ пора кормить.

Сфена Рогов нашел на груди камней, которые тот один за другим от души колотил молотком. Сердце кровью обливалось, глядя на это: ведь инструмент тяжелый, железный, по нынешним временам на вес золота, если не дороже. А ведь при каждом таком ударе он по чуть-чуть деформируется и теряет крохи драгоценного металла, улетающие с микроскопических сколов.

И не только микроскопических.

– Ну и как? Успешно?

Тот покачал головой:

- Если здесь все карьеры такие, как этот, то мы зря потеряли время. Без толку все, полный ноль, только время теряем.

- Опять что-то не так?

- Ты хоть знаешь, что они здесь добывали?

- Нет, но думаю, что ты об этом сейчас расскажешь.

- Рогов, я был прав. Тут и правда выход магматических пород. Точнее, не совсем тут, в смысле, не на этом самом месте. Как бы тебе объяснить... В общем, да, известняк здешний в свое время подогрело так, что его уже нельзя называть известняком. Повышение температуры или давления по тем или иным причинам может привести к метаморфизму пород. Был известняк, а теперь другая порода получилась. Нет тут железа, и другими металлами мы тоже не разживемся.

- Так я не понял. Что именно тогда они здесь добывали?

- Мрамор, Рогов. Они здесь добывали мрамор. Я даже удивлен, потому что он не то что не дотягивает до каррарского[2 - Высококачественный мрамор, добываемый в Апуанских Альпах на территории Каррары. Считается одним из ценнейших сортов мрамора. Известен с древности. С ним работали великие скульпторы и архитекторы, начиная с античных времен.] - он вообще никакой. У нас даже на мраморную крошку эту муть постесняются использовать.

- Может, другого поблизости не было.

- Не знаю.

- А что, кроме мрамора, здесь вообще ничего нет?

- Разве не видишь, чем я занимаюсь?

- Колотишь камни.

- Тонкое наблюдение.

- И как успехи?

- Честно говоря, понапрасну молоток калечу, нормальной руды нам здесь не видать, как светлого будущего. Объемы нужны, а не редкие минералогические образцы.

- Бросай это дело, обедать вот-вот сядем. Разведчики уже почти все вернулись.

- Новости есть?

- Если не считать того, что чуть выше нашли тотемную поляну, нет.

- Новость не из лучших.

- Согласен.

- Даже хорошо, что здесь не нашли руды. Иначе до разработки пришлось бы решать вопрос с ваксами, а мы даже у себя не смогли его закрыть.

Сфен прав на все сто. Несмотря на то что численность населения поселка перевалила за четыре с половиной сотни, это не сняло с повестки дня угрозы нападения. Со времен последнего много воды утекло, но боевые отряды троглодитов не оставляли землян в покое, шастая в считанных километрах от слияния двух рек, где устроились выходцы с холодных гор. Ближе подходить побаивались, потому как несколько раз им устраивали мелкие и крупные неприятности, но окончательно охоты полакомиться человечинной так и не отбили.

Руководство опасалось самого нехорошего сценария. Пока что ваксы разобщены, даже в пределах одного племени соседние поселения могут пребывать на ножах друг с другом по самым разным причинам: от кражи особо толстой невесты, на которую имел виды любвеобильный вождь, до несправедливого раздела мяса и костей совместно загнанного сохатого.

С прочими племенами они могли состоять в союзных отношениях или враждовать не на жизнь, а на смерть, торговать немудреными товарами или просто игнорировать. Но не так давно случилась ситуация, когда в этих краях оказалась относительно небольшая группа людей. Их было около четырех десятков, в том числе хватало хорошо вооруженных мужчин, знакомых с воинским делом. Они легко разнесли несколько поселений и основали свое в надежде засеять поля, перезимовать, собрать урожай и после этого продолжить свой долгий путь, обходя стороной какой-то непонятный Гриндир.

К сожалению, у ваксов на этот счет были иные соображения. Дождавшись поздней осени, они собрали воинов нескольких племен и пошли в набег под прикрытием затяжных ливней, обычных в это время года. Число нападавших и неожиданность позволили одержать сокрушительную победу. Все мужчины были перебиты, выжило только несколько женщин и детей. Их дикари оставили как добычу. Но не сделали бесправными рабынями, а позволили жить относительно самостоятельно, расплачиваясь за сохраненные жизни сетями и примитивной тканью, – все это изготавливали из местной травы с прочными волокнами. Подрастающих мальчиков убивали, не позволяя возмужать: память о воинах в железе и при металлическом оружии слишком свежа. Пусть их немного пришло, но успели море крови пролить.

Такое хорошо запоминается.

Появление землян вновь взбаламутило племенное болото. Пришельцы, столкнувшись с ваксами, сумели одержать победу, захватив крупное поселение. Затем пришлось пережить опасные времена, когда враг находился на расстоянии вытянутой руки. Случалось всякое, в том числе и частично успешное нападение. Но люди сумели за него отомстить сторицей, устроив коварную засаду на реке. Затем случилось еще несколько мелких стычек, и враг, устав нести потери, откатился к южным болотам, забросив пару своих ближайших деревень.

Но говорить об окончательной победе преждевременно. Ваксы все время неподалеку, непрерывно держат землян под контролем. И это сильно нервирует. Трудно понять, каковы их планы, но что, если вожди прямо сейчас расселись на одной из священных для всех племен тотемных полян и, подбрасывая в ритуальный костер небрежно обглоданные кости, обсуждают, что было бы здорово собраться, как случилось не так давно, и навалить этим белокожим наглецам по самое не могу. После можно полакомиться их сладким мясом, а

поощренных женщин оставить работать на всеобщее благо. Пусть тратят жизнь на резку травы, ее вымачивание и мотку суровых ниток. И глядишь, скоро даже в самой захудалой деревне будет по крепкой сети, а то и парочка, а все мужчины станут щеголять в модных юбочках.

Землян пришло много. Их куда больше, чем тех местных, которых в свое время здесь перебили.

Но ведь сила не только в числе. Сельские труженики, клерки, водители, продавцы, работники строительного комбината, сборщики стеклопакетов, дворники – таков усредненный состав пришельцев. Людей с военным опытом среди них единицы, погоду они не делают. Да и те не в своей тарелке – ведь вместо привычного оружия приходится пользоваться примитивными дубинами, копьями и прочим доисторическим хламом. Так что былой опыт если и помогает, то далеко не в полном объеме.

То есть, даже имея такие силы, земляне, возможно, качественно уступают разгромленной группе местных или не сильно превосходят. Металлического оружия почти нет, пользуются самоделками из доступных материалов. А там у ваксов технологическое преимущество, потому что они умеют обрабатывать камень, что люди делать пытаются, но с куда меньшими успехами. К тому же качественный кремень в ближайших окрестностях не встречается вообще, дикари его добывают где-то далеко и, само собой, не торопятся поделиться информацией о его местонахождении с врагами. О торговле с ними тоже не может быть и речи.

Людям остаются кость и древесина.

В общем, имеет место слабая боевая подготовка и неудовлетворительная вооруженность. В этих вопросах преимущество на стороне дикарей. Если по первому пункту народ пытаются тренировать, то со вторым все очень плохо.

Нужно сырье. Именно ради него Рогов и еще одиннадцать человек опасно отделились от контролируемой землянами территории. Хоть какая-нибудь руда, пусть даже с вредными примесями, бедная, никчемная. Но чтобы из нее получилось выплавить вожделенный металл в весомых количествах. Сойдет и совсем дрянной, дикарям и такой не снился. У них его нет, но не сказать что нет вообще – встречаются отдельные изделия. Или древние, из материала, который

у землян принято называть черной бронзой, или отобранные у местных несколько лет назад.

Кстати, дележка тех богатых трофеев не обошлась без политических скандалов. Несколько вождей передрались, причем не по одному разу, племенной союз мгновенно развалился, на почве жадности и мордобоя вспыхнуло несколько ожесточенных войн. В результате некоторые поселения оказались обескровлены, другие забросили, тамошнее население перебралось в более спокойные места. Троглодиты до сих пор не оправились после тех бурных событий, давние конфликты не все погасли. И это внушает надежду на то, что объединиться против землян они не сумеют.

Откуда все это Рогову известно? В основном от тех самых аборигенок, которых дикари оставили работать на себя. Но все они успешно влились в коллектив землян, так что свежих сведений поставлять теперь не могут, связи с ваксами больше нет.

Надо бы заняться ловлей говорливых пленников. Женщины знают язык троглодитов, да и многие земляне могут связать на нем пару слов, благо выучить их не так уж сложно. В общем, нашелся бы болтун, а о чем поговорить – найдется.

Глава 3

Сфена пришлось тащить к костру чуть ли не силой, иначе он бы так и долбил бесполезные камни до поломки ценного молотка. Что поделать – человек увлечен своим делом. И ведь прекрасно понимает, что сейчас нужна именно руда, а на все остальное не следует растрачивать внимание, но стоит какому-нибудь никчемному булыжнику попасть в его руки, как сразу начинается вдумчивое исследование непонятно ради чего.

Кусок запеченного вчерашним вечером корня лопуха вместо хлеба да свежая рыба с углей – вот и весь рацион. Рогов начинал слюной истекать при одной мысли о простой соли, но ее не было вообще. Пытались заменять ее золой и даже смесями различных сушеных трав, но в первом случае вкус почти не улучшался, зато на зубах скрипело тошнотворно; во втором все было так же

безуспешно, разве что без противного скрипа.

В общем, кормежка столь вкусная, что изголодавшиеся собаки от такой быстро взвоят. Еще недавно никто бы такого убожества даже пробовать не стал, но так уж получилось, что всем пришельцам выпало тесно познакомиться с голодом и прочими лишениями. После пережитых приключений крутить носом не захочется.

Да и толку крутить, если деликатесов все равно взять неоткуда? Лучшее, что встречалось в рационе, – мясо. Но домашнего скота нет, а орава людей изрядно проредила дикое поголовье крупных и мелких копытных, в ближних окрестностях почти не осталось фазанов и зайцев, прежде встречавшихся на каждом шагу. Приходилось посылать дальние охотничьи экспедиции на запад и восток. Север бесперспективен – там скудные горы, а на юге шагу нельзя ступить, чтобы не нарваться на ваксов. Из таких вылазок приносили немного, так что спасались исключительно рыбой, ею обеспечивались приблизительно процентов восемьдесят потребностей, если не все девяносто.

Рогов боялся представить, что будет, если зимой водное изобилие иссякнет. Допустим, рыба покинет верховья рек, убравшись вниз. Из непроточных озер она, конечно, никуда не денется, но эти водоемы не так уж велики, запасы их ограничены, ловля в холодное время будет затруднена. Это сейчас много ума не надо, знай себе таскай неводы и бредни, но после ледостава все резко изменится. Да и перед ним лезть в воду смерти подобно – околеешь.

По расчетам землян, до наступления холодов остается не больше пяти месяцев. И за это время надо успеть как следует подготовиться к зиме. При отсутствии консервантов для сохранения еды, при острой нехватке теплой одежды (и не только теплой) и дефиците инструментов, которые нужны для строительства надежного жилья и оборонительных сооружений.

Рогов всячески пытался отвиливать от вникания в такие животрепещущие вопросы, но, так как являлся одним из краеугольных камней здешнего общества, совсем избегать их не мог. Вот и сейчас жевал осточертевшую рыбу и размышлял, есть ли надежный способ ее сохранения. Соли нет ни щепотки, так что отпадает, – в золе, что ли, попробовать улов держать? Не факт, что это полезная для здоровья идея, да и зола потребуется очень и очень много. Грубо говоря, на зиму надо подготовить запас в два-три десятка тонн полноценной пищи, иначе они рискуют столкнуться с нештучными проблемами.

Грач, убрав ото рта поднесенный было кусок рыбы, неуверенно произнес:

- Я вроде видел что-то...

- Что? - уточнил Киря. - Шмат сала копченого и запотевшую чекушку беленькой?

Рогов, находясь на своей волне, чуть не подпрыгнул:

- Слушайте, а рыбу можно коптить без соли?

Киря покачал головой:

- Я о всяких извращениях слышал, но о таком - впервые. Экий ты, Рог, затейник.

- Да просто голову ломаю, как ее можно сохранить на зиму. Сейчас рыбы полно, могли бы запас сделать.

- Не, Рогов, отвертеться от соли ты в таком вопросе никак не сможешь. Даже просвещенная Европа выхода не нашла, куда уж тебе, убогому. Шведы, да будет вам всем известно, издавна почитают не просто селедку, а селедку квашеную. Скажу даже еще проще - протухшую, потому как по-другому назвать перебродившую сельдь у нормального человека язык не повернется.

Здоровяк Паша, без удовольствия пережевывая уже как минимум десятую рыбешку, покачал головой и пробубнил:

- Киря, не гони. Никто в Европе не станет тухлятину есть. Это тебе не какие-нибудь папуасы из джунглей.

- Дитя ты великовозрастное и печальная жертва оболванивающего телевидения. Едят да причмокивают и называют это вовсе не тухлятиной, а сюрстреммингом. Так сказать, имеет место ярко выраженный случай подмены понятий. Дошло до того, что банки с этой гадостью у них запрещено в самолет проносить, потому как это не что иное, как биологическое оружие страшной силы. Если рванет - всем хана, задохнутся как в закупоренной заднице. Но, не заходя на трап, уплетай это дерьмо сколько влезет. Так вот, вернемся к вопросу Рогова. Даже в

случае с сюрстреммингом совсем без соли обойтись не удалось. Ее хоть чуть-чуть, жадной рукой, но добавляют, иначе получится такая бурда, что даже всеядный европеец может отказаться употреблять. Кстати, есть предположение, что жаргонное слово «стремный», или «стремно», произошло как раз от сюрстремминга. Дескать, приличному и уважающему себя человеку как-то стремно такое лопать, для этого надо как минимум перестать себя уважать. И «сюр», возможно, тоже вовсе не от сюрреализма произошел, а от...

– Но я и правда что-то видел, – вклинился Грач. – Там мелькнуло что-то. Или зверь большой, или не зверь.

Рогов, проследив за протянутым пальцем товарища, напрягся. На склон указывает, именно там среди деревьев укрылась тотемная поляна ваксов. А чуть левее протягивается тот самый холм, за которым вовремя подвернувшийся гриб спас от зорких глаз троглодитов.

– Грач, ты уверен? – уточнил Рогов.

– Ну не могло же мне померещиться? Там точно что-то мелькнуло.

Место, где располагался древний мраморный карьер, стиснуто крутыми склонами неширокой долины. Левый порос соснами, лишь местами там возвышаются причудливые скальные останцы и протягиваются неширокие языки каменных осыпей. При желании есть где укрыться от наблюдения, а сам при этом будешь прекрасно видеть, что именно происходит внизу.

Удобная позиция.

То есть если там, на склоне, и правда притаился один или несколько ваксов, они уже успели сосчитать всех людей и сделали некоторые выводы насчет их боеспособности.

Рогов никогда не думал, что ему придется попасть на другую планету и командовать отрядами неподготовленных бойцов, вооруженных разным дрекольем. Но раз уж пришлось, будь добр, думай наперед за всех.

Вздыхнув, отложил недоеденную рыбину и коротко скомандовал:

– К бою!

Надо сказать, что после таких приказов даже Киря с его манией все подвергать сомнениям и насмешкам предпочитал помалкивать. Драться им приходилось не раз, в том числе и с потерями, каждый прекрасно знает, что сейчас не время для глупых шуток и ненужных слов.

Стрелки спешно натягивали луки: в походном положении у них принято ослаблять тетиву, иначе неказистое оружие быстро превращается в безобидные палки. Остальные занимались тем, что напяливали на себя защитные приспособления. Слово «доспехи» как-то не прижилось.

Ну а как оно приживется, если вся защита сводилась к шлемам, сплетенным из ивняка, и нагрудникам из того же материала. Кое-кто ухитрялся и наручи таскать из «корзин», но это единичные фанаты: уж слишком неудобно, вечно цепляешься в зарослях, да и движения затрудняет. А в бою одно потерянное мгновение может превратить тебя в инвалида.

Или покойника.

Киря, попрыгав на месте, затянул лохматые завязки нагрудника и не удержался от легкомысленного рапорта:

– Готов к труду и обороне!

– Поторапливаемся! – Рогов подстегнул отстающих. – Сейчас все идут за первой тройкой, проверим склон. То есть то место, где Грач заметил вакса.

Грач и сам не уверен, что именно видел, но зачем на этом сейчас акцентировать внимание? Если никого не найдут и народ, обливаясь потом, несколько жарких полуденных минут проведет, карабкаясь по крутым склонам, может возникнуть коллективный соблазн назначить виновника. Лучшей кандидатуры, чем Грач, не придумать, так что надо прямо сейчас начать отвлекать от него внимание. Глядишь, и забудется, что именно после его слов пришлось браться за опостылевшие нагрудники.

От которых к тому же толку в бою почти нет. Основные ранения приходятся на руки, плечи, грудь и голову, чуть реже прилетает в бока, и потом уже все остальное. Связано это с тем, что ваксы предпочитают наносить размашистые удары дубинами, каменными топорами и кремневыми мечами. Колющие – редкость, да и копья у них не в большой чести. То есть их тоже применяют, но на охоте. В бою редко, и это радует: ведь ивовая плетенка в таких случаях вообще бесполезна – костяной или каменный наконечник протыкает ее, будто простую бумагу.

Различив среди сосновых стволов слишком быстрое движение, которое нельзя приписать колышущейся на ветру ветке, Рогов не удержался от довольной ухмылки.

Грачу сегодня точно не придется оправдываться.

– Все, стоп! Склон отменяется! Они уже здесь! Стандартное построение!

Сколько ваксов спускаются с холма, Рогов знать не мог. Сосны пусть росли не так уж и густо, но скрывали противника на совесть. Лишь изредка кое-где можно заметить подозрительное движение, причем в некоторых случаях все легко списывалось на обман напрягшихся глаз.

– Встретим их сразу под склоном, – определился Рогов. – Нельзя позволить им устроить свалку на отвале, там на камнях можно ноги переломать. И головы.

С таким приказом точно не поспоришь. Некоторые ваксы, приходя в ярость, имели склонность швыряться всем, что под руку подвернется. В том числе и тяжелыми предметами. А чего больше всего на карьерных отвалах? Правильно – самых разных камней. Встречаются и полупудовые глыбы, и больше, а среди дикарей попадаются уникамы, способные швырнуть огромный булыжник на пару десятков шагов. В одной из схваток Рогов на такого напоролся, но успел увернуться, пусть и не совсем. Задело бок, и он потом недели две не мог на нем лежать.

На краю открытой осыпи показался вакс. До троглодита по прямой метров двести, расстояние запредельное для простеньких луков и неумех-стрелков, так что никто даже не шелохнулся. Просто смотрели.

Еще один вышел из чащи, еще и еще. Затем быстро скрылись за кронами сосен, спустившись чуть ниже.

- Шестеро, - напряженно пробормотал Айболит.

- Может, это те, кого Рог видел, - добавил Киря. - Узнаешь старых знакомых?

Тот пожал плечами:

- Их и по мордам попробуй узнать, а уж по спинам тем более не различишь.

Народ заметно приободрился. Шесть ваксов - ерунда. У людей двукратное преимущество и пусть и слабо, но отработанные навыки группового боя. Дикари кидаются поодиночке, не глядя друг на дружку, бессистемно. У них в порядке вещей, когда парочка начинает драку, а остальные в нескольких шагах вопят и приплясывают, размахивая оружием. Не потому что боятся, а потому что стараются приободрить лучших вояк племени, ведь именно такие в первую очередь стараются влезть в свалку, чтобы лишний раз доказать свою невероятную крутость.

Или, скорее, тупость.

Против дюжины землян, старающихся выступить единым ударным кулаком, ничего позитивного таким героям не светит.

Как это часто бывает, сосняк вырос светлым где угодно, но только не на опушке. Там вымахали матерые кусты, за которыми при желании дивизию ваксов можно легко укрыть, не то что жалкую шестерку. Заросли не позволяли наблюдать за приближением противников, но Рогов, прикинув темп их продвижения, мысленно отсчитывал про себя секунды. Вроде бы ноль прошел, пора уже применять отрицательные цифры, людоеды задерживаются.

Ну и где же наши волосатые приятели?

Кусты зашевелились, одна за другой начали показываться мохнатые фигуры. Одна, вторая... пятая, шестая. Блин! Еще лезут! Седьмая, восьмая...

Девять! Девять дикарей! Не шесть!

Девять куда хуже шести, но пока что паниковать рановато. У Рогова большая часть ребят проверена в деле не раз, справятся. Только риск уже возрастает. Даже если кого-нибудь слегка заденут кремневым мечом, экспедицию придется спешно сворачивать. Человек – слишком большая ценность, чтобы рисковать его здоровьем и жизнью. Не сказать что пострадавших ожидают в поселке последние достижения медицины, но хотя бы отлежаться спокойно можно, плюс они на усиленном мясном рационе, а не давятся опостылевшей пресной рыбой.

Для них самое вкусное и редкое, и против этого никто не возражает.

Ваксы приближались нестройной шеренгой. Оружием не размахивали, но злобных рож корчить не забывали – мимика у них богатая. Правда, скорее из ритуальных соображений, во взглядах не ярость безумная кипит, а настороженная заинтересованность.

– Похоже, они таких, как мы, еще не встречали, – предположил Грач.

Рогов покачал головой:

– Вряд ли. Та группа, которую отсюда привели, должна была всем глаза намозолить.

– Да ты их не видел разве? – удивился Киря. – Ну чисто бичи со свалки, а мы почти аккуратные, нам только выглаженных галстуков не хватает. Ну и доспехи у нас опять же от лучших корзинных мастеров. Таких красивых и грозных они точно не видели.

Ваксы уже подобрались опасно близко, и всякие высказывания прекратились. Руки крепче сжимали разношерстное оружие, готовясь к тому неприятному и неизбежному моменту, когда затрещат сокрушаемые кости и брызнет кровь из ран.

Главное, чтобы все раны достались врагам.

Дикари остановились, начали переглядываться, что-то негромко обсуждать. Все это происходило шагах в тридцати – левая дистанция, но копье на такой бросать не принято, а дротики не получили распространения. Лучники работать уже могут, но навыки их таковы, что в лучшем случае скромный залп нанесет пару легких ранений. Это лишь сильнее разозлит противника. А зачем тогда вообще стрелки? В ходе непрекращающихся стычек была выработана оптимальная тактика их применения. Или обходили с боков сражающиеся группы, нашпиговывая бока ваксов, или ухитрялись бить сквозь строй. Иногда ради этого занимали господствующие высоты, что в горно-лесистом районе удавалось не так уж и редко. В общем, по-всякому выкручивались, лишь бы не работать совсем уж в упор.

Стрелков в отряде Рогова было аж четыре: три лучника, считая Кэт, и один арбалетчик с оружием, выглядевшим откровенно убого, и толк от него соответствующий. Разбившись попарно, они стояли с боков в ожидании сигнала. Но пока что командовать смысла нет, рывок ваксов резко иссяк.

Может, развернутся и скроются в лесу? Такое с ними случается, когда не хватает злости наброситься на непростого противника. Покричат издали обидные слова, помашут дубинами – и уходят. При этом считают, что победа осталась за ними, ведь земляне вели себя куда молчаливее, то есть, по представлениям дикарей, выказывали позорную слабость.

Враги наконец приняли какое-то решение. Из их шеренги вышел один – не выше прочих, но заметно шире в плечах. На груди его болтались десятки ожерелий из клыков, когтей, блестящих кристаллов и высушенных фаланг чьих-то пальцев. Помимо декоративного значения, вся эта мишура призвана ошарашивать противника своим диким дребезжаньем, которое наблюдалось после любого резкого движения. А вот косточки, вплетенные в кончики тонких косичек, предназначались для другого. В тесной схватке взмахом головы можно быстро нанести множество хлестких ударов в лицо. Если получится попасть в глаз, ошеломишь на мгновение, хоть на секунду ослепишь, а опытному бойцу больше и не надо. Этот дикарь дополнительно использовал что-то вроде парика из жгутов конского волоса или другого похожего материала. Они свисали от макушки до груди, при взгляде на его лицо напрашивались ассоциации с осьминогом, тушка которого нездорово раздулась, а щупальца, наоборот, усохли.

Одеяние не для охоты. Слишком много шума создает, пугливая дичь таких концертов не приветствует. То есть это или боевой отряд, целенаправленно отправившийся на поиски драки, или дикари затевали что-то другое: прогулку к тотемной поляне; посещение соседнего племени с дипломатическим визитом; а может, просто бродят по окрестностям без внятных замыслов, демонстрируя свою великую силу. Это даже не набег за невестами – у них считается дурным тоном устраивать подобное солидными силами. Три-четыре «жениха» – стандартный отряд. Но никак не девять.

В правой руке звенящий троглодит сжимал каменный меч: уплощенную битую из крепкой древесины, по краям которой в пазах закреплены тщательно подогнанные друг к другу кремневые пластины. По общему мнению – самое грозное оружие дикарей. Даже при скользящем ударе нередко отлетала кремневая крошка, загрязняя раны, из-за чего пострадавший мучился от гнойных воспалений, смертельно опасных при столь примитивной медицине.

Но легкая рана – огромное везение. Сильный удар мог отсечь конечность или разрубить бок до позвоночника. Попадание в голову или убивало на месте, или выводило из строя на долгий срок, оставляя калекой или уродом. Слабенькие пародии на шлемы от такого оружия не спасали, их потолок – смягчить излишне тесное знакомство с нетяжелой дубиной, также могли помочь против метательных рогов. Но мужчины в бою их практически не применяли, с этим оружием можно столкнуться лишь при нападении на поселения троглодитов.

Отойдя шагов на десять от шеренги сородичей, вакс легко крутанул меч, что не так-то просто при его немаленьком весе. Одна древесина чего стоила: заготовки приносили из каких-то других мест, и плотность их такова, что в воде не плавают, а парят. Толкнешь – уйдет на дно, отпустишь мягко – и будет болтаться на одном горизонте невыносимо долго. Плюс кремневые пластины, плюс клей для их закрепления не жалеют, плюс накладки из кожи и плоских камней, из которых слагается простой линейный орнамент. В общем, все равно что заряженный пулемет за кончик ствола взять и небрежно покрутить вокруг ладони.

– Бучнамери касакаду дауру! – важно заявил дикарь и еще раз картинно крутанул мечом.

– Что он сказал?! – с испугом спросил Айболит.

– Сказал, что ты ему понравился как женщина: красивый и с упругой попой, – охотно «перевел» Киря и добавил: – Да кто их знает, нерусей волосатых. Тут соседние племена часто друг дружку не понимают, чего ты от нас-то хочешь?

– Я думаю, что он предлагает кому-нибудь выйти и сразиться с ним, – вмешался Паша. – Они и у нас так часто делают.

– Вот ты и давай, ты ведь у нас самый здоровый, – предложил Киря.

– Тихо все! – скомандовал Рогов. – Стрелки, берите на прицел этого героя. По счету «три» пускайте стрелы. Один, два, три!

Дикарь, похоже, и правда не сталкивался с воинственными землянами, потому как на луки вообще не реагировал до последнего мгновения. Не надо быть великолепным стрелком, чтобы попасть с двадцати шагов. Никто из четверки не подвел. Грудь, шея, левая рука и живот – четыре раны за секунду. Ваксы живучие и выносливые, свалить их слабым оружием не так просто, вот и этот даже не подумал падать замертво. Взревел разъяренным зверем и, замахиваясь своим чудовищным мечом, помчался на ближайшую парочку обидчиков: Грача и Кэт.

Рывок получился резким, но людей такой быстротой не удивишь. С левого края шеренги вперед шагнул Киря, небрежно ткнул копьем, вонзив костяной наконечник в бедро. Это только глупец думает, что нога – ерунда. Важно знать, куда и как бить. Конечность дикаря подломилась, он ведь не ожидал, что опорная мышца подведет в такой момент. У них вообще не принято атаковать ниже пояса, даже не думают, что надо заботиться о защите таких мест. Земляне это давно просекли и охотно пользуются. Вакс растянулся на земле, а Киря неспешно ударил еще раз, на этот раз в подмышку. Вбил немаленькое лезвие чуть ли не на две трети и слегка провернул, вытаскивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

Сфен ошибся или допустил упрощение: в упомянутом регионе месторождение самородного железа располагается на острове Диско (у берегов Гренландии).

2

Высококачественный мрамор, добываемый в Апуанских Альпах на территории Каррары. Считается одним из ценнейших сортов мрамора. Известен с древности. С ним работали великие скульпторы и архитекторы, начиная с античных времен.

Купить: <https://tellnovel.com/artem-kamenistyj/vozvraschenie-k-vershinam>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)